

Только что закончившееся лето, которое я, как и пятьдесят предыдущих, провела в Киреевске (на базе отдыха преподавателей университета – на высоком берегу Оби, в сосновом бору!) выдалось сухим, безгрибным. А грибы с тех пор, как в Оби повывелась рыба, а в лесах ягода, составляют главную отраду и даже смысл нашего вольготного киреевского житья. Близкие, подножные маслята и сыроежки, отдалённые белые, редкие шампиньоны... Мы их собираем, жарим, о них говорим... Даже и стихи, бывает, пишем...

И вот нынче их почти не было. Даже маслята. Несколько раз всплывала в памяти строчка какого-то текста Вирджинии Вулф – прозаического, но, как это часто бывает у неё, похожая на начало стиха:

Не торопясь, горит засушливое лето...

Отсутствие грибов, помимо того, что стало малой (дополнительной к уже приевшейся и потому не очень страшной пандемии) неприятностью этого лета, послужило поводом вспомнить другое моё лето, теперь уже сорокалетней давности. Тоже засушливое, душное, которое я провела не в Киреевске, в моём милом домике № 65, а необычно, даже экстравагантно: в онкологическом диспансере, располагавшемся в то время на площади Ленина, непосредственно за памятником Ленину.

Как только моя память сворачивает в ту сторону, на первый план выплывает один эпизод – курьёзный, вопреки общему мрачному тону того отрезка моей жизни. Он, эпизод, случился в самом начале этого отрезка, когда я лежала на первом этаже диспансера, в радиологическом отделении, и когда решалась моя судьба: то ли сначала прооперировать меня в расчёте на возможный благополучный исход, то ли уж сразу облучать – в расчёте только на бога...

Так вот этот курьёзный эпизод. Одна из моих тогдашних товарок по несчастью и соседок по палате, вопреки этому несчастью всегда весёлая, но плохо воспитанная Татьяна, глядя в окно нашей палаты № 3 (расположившейся в метре от асфальта), вдруг изрекла (по правде сказать, прокричала – просто говорить, тем более изрекать что-либо, она не умела): «Ну, девки, если уж Ленин встал к нам задом, всё – хана нам всем...». Вместо слова «задом» Татьяна (царствие ей небесное) употребила его весёлый, народный вариант, отчего её предсказание (а это и было предсказание) прозвучало как-то зловеще. Хана в тот же год пришла к восьми из десяти обитательниц нашей палаты – кроме меня и ещё одной, Фаины... Потом встречались с ней в магазинах... Жаловалась, что сидеть не может... Память о радиологическом лечении...

Я не подверглась этому жёсткому лечению – облучению, а была отправлена на второй этаж диспансера в хирургическое отделение. И дело для меня благополучно закончилось операцией, проведённой тогдашним магом томской онкологической хирургии – Валерием Филипповичем Вахтиным. А отправле-

на под его исцеляющий нож я была врачом-радиологом, чудной Ниной Анисимовной Чудной (в обоих этих словах ударение на букве «у»). Бывало, каждое из тех жёстких утр заглянет она в нашу палату № 3 в своём белоснежном халате, из-под которого и сверху и снизу выбивается весёлый, в ярких цветах крепдешин летнего платья, присядет на краешек скорбной постели той, которой сегодня – вот прямо сейчас – после завтрака – предстоит очередной сеанс облучения, о чём-то тет-а-тет поговорит: вроде бы на полном серьёзе, профессионально обсуждает ожидаемый результат предстоящего сеанса... Принесёт, если уж дело до того дойдёт, таблетку смягчающего отчаяние элениума... До сих пор я со скорбью вспоминаю, что через несколько лет после моего краткого пребывания в её радиологии она умерла совсем молодой, от обратного, на врача направленного воздействия её «кастрюли», как она называла свой несовершенный аппарат для облучения...

Но описываемая здесь история относится уже ко второму этапу той моей скорбной онкологической эпопеи, когда я уже лежала на втором, хирургическом этаже диспансера, отходила от результатов благополучно завершившейся, но очень тяжёлой операции. В моей палате – № 2 – я лежала вдвоём с молодой девушкой, Ирочкой, студенткой мединститута. Вот её скорбная предыстория лежания в этой палате. В прошлом году, осенью, во время якобы действенной помощи (если воспользоваться выражением А. Грина из «Алых парусов») их курса какому-то колхозу в уборке урожая, Ирочка в сентябре месяце посидела хотя и у костра, но на холодной земле. Вскоре на ноге у неё образовалась шишечка, которая начала расти и по лимфатическим сосудам поднялась до спины... Так же, как это было и в случае со мной, у Нины Анисимовны и Валерия Филипповича завязался спор, в каком порядке проводить Ирочке операцию и облучение. Нина Анисимовна вообще решительно отказывалась подвергать «такую молодую» Ирочку воздействию её «кастрюли». Спор затянулся...

В нашей палате № 2 мы с Ирочкой лежали привилегированно только вдвоём, в то время как в других палатах больные теснились по три-пять человек. Не сразу мною осознанная эта наша с Ирочкой привилегия объяснялась тем, что она, даже помимо своей молодости, была не совсем обычной пациенткой. Во-первых, она была внучкой очень известного в прошлом веке томского врача, а во-вторых, в добавление к первому, племянницей дочери этого врача, Ксении Петровны, тоже врача и при этом женщины умной и энергичной. Преодолевая барьеры между нашим диспансером и тем лечебным учреждением, где работала она сама, Ксения Петровна курировала и по сути дела направляла процесс лечения Ирочки. Мать-то Ирочки, человек совершенно другого склада, во время посещения дочери только плакала в несколько заготовляемых заранее платков.

Я же попала в элитные условия лежания в палате № 2 вдвоём только с Ирочкой по той причине, что была педагог, доцент университета, и тесное общение со мной, по мнению Ксении Петровны, было для Ирочки гораздо предпочтительнее, чем с другими женщинами, не педагогами. Известно ведь, о чём говорят иногда в палатах больные женщины... Более того, тётя наказала Ирочке использовать тесное соседство со мной по максимуму и задавать мне

как можно больше вопросов «по литературе и искусству». Ирочка тётю слушала и начала с вопроса, для чего вообще нужны литература и искусство...

Горестные обстоятельства нашей тогдашней с Ирочкой жизни не располагали к общим рассуждениям на эту тему, и я использовала опыт, выработанный за недели лежания ещё в палате № 3 первого этажа диспансера: начала адаптированно пересказывать Ирочке содержание произведений зарубежной литературы. Так же, как это было в палате № 3, наибольший успех пришёлся на «Сагу о Форсайтах» английского писателя Джона Голсуорси. Ирочка слушала, подолгу не меняя позы... Как всегда, была права её умная тётя.

На эти наши с Ирой вечерние бдения во время своих ночных дежурств по этажу заглядывал и засиживался у нас молодой врач, сын ещё одного маг томской онкологической хирургии – и сам в будущем маг. Ну а в то наше с Ирочкой онкологическое лето это был красивый молодой человек, по-мужски кокетливый. Это про него одна из больных второго этажа, остроязыкая Татьяна, критически относясь к его заигрыванию с её молоденькой соседкой по палате, сказала: «Выпендривается, как Евгений Онегин»... А чего ж ему было не выпендриваться? Молодость, красота, здоровье – всё при нём...

В нашей палате он очень аккуратно, ни боже мой не нарушая врачебной этики, кокетничал с Ирочкой – без отрыва от постоянного подтачивания ногтей тонкой серебряной пилочкой, вслушивался в наши разговоры, научно уточняя наши дилетантские рассуждения на медицинские темы...

Странные это были вечера, странные... Как бы зависшие вне времени...

Но вот в один из тех душных, томительных дней по всему диспансеру, как свежий ветер, пронёсся слух, что именно сюда, в нашу плоховато спасаемую богом Онку, едет московская комиссия. Этот слух породил в душноватой атмосфере диспансера три разнородные волны движения. Первая прокатилась по врачебным кабинетам («Историями болезней шебуршат», – доложил нам с Ирочкой псевдо-Евгений Онегин) и нас, больных, никак не коснулась. Нас коснулась вторая волна – настоящий санитарный аврал. Из-под нас в срочном порядке вытягивали старые-престарые простыни и одеяла и заменяли менее старыми – предпенсионного возраста. А также, именно в авральном режиме, мыли всё: от окон – даже с той, уличной стороны – до сокровенной глубины старых, аж чёрных унитазов. Зрительный эффект этого повального мытья был минимальный: всё в нашей Онке было старое – поржавело, осыпалось, растрескалось. Но существенное очищение воздуха произошло – спасибо тогдашним техничкам и санитаркам. Спасибо!.. Лето-то было душное...

А третья волна повышенной активности в нашей обители скорби и печали взялась из наших невидимых миру слёз и надежд на то, что что-то изменится наконец в судьбе каждого из нас – и именно в сторону выздоровления. Всё-таки Москва есть Москва... А больше-то и надеяться было не на что...

Но эта третья волна коснулась лишь пятерых из нас, обитателей Онки. Возглавлял московскую комиссию профессор (маг!), ещё почти молодой, но утешительно солидный. Он не был впечатлён результатами нашего санитарного аврала, лишь отобрал из двухсот наших историй болезни пять, касающихся самых молодых из нас, и назначил им консультацию в Москве, во вверенной ему московской Онке.

В число этих избранных молодых попала и Ирочка. Причём ей, Ирочке, эта консультация была назначена уже в следующий понедельник, в 10 часов утра. А тот день, в который была назначена эта консультация, был субботой...

И вот тут-то начинается самая динамичная часть этого повествования. Чтобы Ирочке успеть на консультацию к этому профессору в понедельник следующей недели к 10 часам утра, и ему, и Ирочке нужно было вылететь из Томска только завтрашним (воскресным) рейсом. Утренним, восьмичасовым...

Ну, у профессора обратный билет из Томска в Москву, конечно, ещё в Москве уже лежал в кармане. А у Ирочки...

Вообще с авиабилетами (да и с железнодорожными тоже) на Москву и на все южные и западные направления в те годы дело обстояло так. За месяц до срока желаемого вылета в одной из касс предварительной продажи билетов (в районе Томска-I) с раннего утра (почти с ночи) выстраивалась очередь жаждущих этих билетов и составлялись списки этих жаждущих, так как их количество, как бы сказали сегодня, в разы превышало количество этих билетов. Кем составлялись и где целый месяц хранились эти списки, от меня во всяком случае история умалчивает. Но вся эта технология, основанная в прямом смысле слова на чьей-то совести, срабатывала. За три дня до вожделенного вылета эти учтённые в списках билеты были выкуплены – и именно списочными очередниками. Что касается меня, то я обо всём этом знаю только понаслышке. Я и мне подобные ездили и летали в Москву в другие сезоны года: осенью, зимой. И вообще мало ездили... Тем более летали...

Но вернёмся в палату № 2 в ту субботу, когда стало известно о назначении Ирочке московской консультации. В следующий понедельник, в 10 часов утра... Вообще-то где-то здесь мне нужно было подключить к этому повествованию совсем другой сюжет, без подключения которого необъяснимо то, что произошло в ту субботу, начавшись в палате № 2 и продолжившись в кабинете медсестёр. Но ради эффекта необъяснимости произошедшего я подключу этот другой сюжет позднее.

А произошло вот что. Ксения Петровна с направлением на эту московскую консультацию в руках устало оперлась на спинку Ирочкиной кровати, смотрит в никуда и проговаривает никому: «Два билета на завтра... только через обком... только через обком...».

Сегодня многие не знают или забыли, что такое был областной комитет партии в жизни всей области и каждого отдельного человека. Скажу коротко: обком в те времена мог всё. Но иногда и всей области, а уж отдельному человеку всегда до обкома было почти так же далеко, как до господ бога...

И вот теперь представьте себе, что в момент тяжкого раздумья Ксении Петровны о возможных всё-таки путях к этому обкому я, не поднимая головы от подушки, произнесла: «Я попробую...». В смысле достать эти вожделенные билеты на авиарейс до Москвы – и именно через обком...

Вопреки очевидной нелепости, даже бессмысленности этого моего заявления Ксения Петровна что-то прослышала в нём. Что-то такое... И вот уже я с её помощью натягиваю халат, водворяюсь в тапки и, повиснув на ней, доставляюсь в кабинет медсестёр, где был единственный на весь этаж телефон. И вот я растерянно листаю толстый телефонный справочник в поисках нужной мне

страницы и нужного номера. Но Ксения Петровна выхватывает у меня этот справочник – и вот он, у неё под пальцем, номер приёмной обкома партии.

Я звоню, каким-то не своим голосом проговариваю, что мне нужно... от обкома партии... Я чуть позже, опять-таки ради эффекта неожиданности, расскажу, что произошло между этим моментом и тем, что уже через полчаса нам было по телефону сообщено, что два билета на завтрашний авиарейс до Москвы можно вот уже прямо сейчас получить у милиционера на вахте у входа в обком партии – при наличии лишь паспортов пассажиров... В ту же секунду Ксению Петровну как ветром выдуло из кабинета медсестёр: съездить домой за паспортами, успеть попутно решить ещё сто проблем, собрать Ирочку...

Вот теперь объяснение того, что же произошло в те полчаса между моим звонком в приёмную обкома партии и сообщением о билетах. Дело в том, что за несколько лет до этих событий я в параллель со своим доцентством в университете была внештатным корреспондентом областной газеты «Красное знамя». Конкретно при отделе школ, которым руководила Елена Григорьевна Николаева, хороший журналист и хороший человек. Не помню, кто и при каких обстоятельствах нас познакомил, но по её заданию я в течение четырёх лет ездила – и на машинах, и на лошадях – даже и не в самые близкие к Томску районы нашей области: выясняла степень укомплектованности (а чаще неуккомплектованности) сельских школ учителями, учебниками и средствами доставки учеников из отдалённых посёлков в эти районные школы. Вместе с отчётами об этих выяснениях я привозила и очерки об учителях, и зарисовки из жизни сельских школ.

Из всего этого сложилась отдельная полоса моей жизни, насыщенная абсолютно новыми впечатлениями и знакомствами. Просто было бы очень жаль, если бы всего этого не было...

Ну и, помню, гонорары за эти мои очерки и опыты проблемных статей иногда перекрывали мою доцентскую зарплату...

Но затем Елену Григорьевну перевели в обком партии, в отдел школ, теперь уже не освещать в прессе положение дел в районных школах, а исправлять и улучшать это самое положение. Непосредственное наше с ней деловое общение прекратилось, но по её рекомендации обком партии несколько раз привлекал меня к работе с теми же установками. Именно так случилось у меня уникальное, незабываемое путешествие в Якутию с целью выяснить положение дел с изучением русского языка в Якутском университете. Положение дел было сложное, просто бедственное – из-за отсутствия специальной методики изучения русского языка как неродного для студентов. Но там, в Якутске, я, во-первых, укрепила дружеские связи с сотрудниками университета – бывшими аспирантами нашего, Томского университета, а во-вторых, обзавелась и новыми хорошими знакомыми и незабываемыми впечатлениями. Якутия в январе месяце – это что-то! Минус сорок градусов для них – потепление...

Наше плодотворное сотрудничество с Еленой Григорьевной ушло в прошлое, но не забылось, как это обнаружилось в августе 1979 года...

Итак, вернёмся на полчаса в ту субботу в кабинет медсестёр на втором этаже. Взяв в руку трубку телефона и осознав наконец, за что я взялась, я из-под

пальца Ксении Петровны набираю номер телефона обкома партии и прошу сообщить мне номер телефона отдела школ. Приёмная обкома отозвалась щелчком – и вот усталый отчуждённый голос Елены Григорьевны произносит: «Да...». Далее я дословно, покадрово передаю наш тогдашний разговор с ней. Я: «Елена Григорьевна, это я, Галя Климовская. Я лежу в онкологическом диспансере на излечении. У меня к вам просьба – не для себя, а для молодой девушки, моей соседки по палате. Ей назначена консультация у профессора в Москве, в понедельник, в 10 часов утра. Нужны два авиабилета на завтра. Ира летит с тётёй...». Елена Григорьевна: «Галя... Вы позвонили мне в последнюю минуту... Сегодня суббота, конец рабочего дня. Я уже на выходе... А с понедельника я в отпуске... Позвоните мне через полчаса...».

Все эти полчаса у меня в ушах стоял какой-то тихий звон, хотя в кабинете стояла абсолютная тишина: ведь никто кроме меня не знал, что мне ответила Елена Григорьевна. Через полчаса я перезвонила. Елена Григорьевна сказала то, что я уже сообщила выше: билеты на завтрашний авиарейс можно получить у милиционера на вахте обкома партии. И ещё сказала: «Галя, поправляйтесь, у нас с вами ещё много дел...».

Ну, вот и конец этого моего повествования – из цикла, если воспользоваться формулой славного писателя Бориса Житкова, «...что бывало». Билеты на завтрашний авиарейс были получены. Ирочка с тётёй слетали в Москву, вернулись через три дня с напутствием: «Облучение не требуется. Нужна операция. А операции у вас в Томске делают не хуже, чем в Москве».

Ирочка по возвращении из Москвы буквально ожила, расцвела. Как бы ещё более энергичной стала Ксения Петровна, хотя, казалось бы, куда уж более-то.

Ещё три дня мы прожили в палате № 2. Потом меня выписали. На прощание Валерий Филиппович сказал мне золотые слова: «Операция дала хороший результат. Облучение вам не нужно...». Ну вообще-то всё обстояло немного по-другому, посложнее, но к данному повествованию это не имеет прямого отношения. Важно, что усилиями и магическими способностями врачей нашего старого доброго онкологического диспансера я перешагнула во вторую половину своей жизни. За эти дарованные мне десятилетия я защитила две диссертации, много трудилась сразу на двух нивах: чтения лекций студентам и – в одной упряжке с дочерью и зятем – ращения внуков, дожидая до правнуков.

Окончания Ирочкиной истории я не знаю, однако уверена, что и её история завершилась выздоровлением. Но до сих пор время от времени я задумываюсь над тем, как могло случиться, что в одно и то же время и в одном и том же месте – тем летом в палате № 2 и в обкоме партии (!) – столкнулись и сложились в один сюжет обстоятельства жизни нескольких разных людей с их абсолютно независимыми друг от друга обстоятельствами жизни: меня, Ирочки и Елены Григорьевны. Ведь мой звонок застал её в последнюю минуту субботы – перед завтрашним выходным днём – и именно последней субботы перед отпуском... Ну?.. Позвони я минутой-другой позже – и...

Конечно, и без моего вмешательства и привлечения к делу Елены Григорьевны Ирочка так или иначе попала бы на консультацию к московскому профессору – стараниями своей замечательной тётки. Но – всё сложилось и произошло так, как сложилось и произошло.

Когда в последующие годы я при случае рассказывала разным людям, как, лёжа в онкологическом диспансере (!), я за полчаса по телефону и через обком партии вызволила из абсолютной невозможности сделать это те два билета на завтрашний авиарейс, боюсь, не все мои слушатели верили мне, хотя явным образом своего сомнения не высказывали. Да я и сама до сих пор, встав на место этих слушателей, не перестаю удивляться этому. Но, повторюсь, всё произошло так, как произошло. Саму-то себя убеждать в этом не приходится. Что ж, именно так распорядилась в тот раз нами и нашими обстоятельствами причудливая судьба. Это её замысловатый почерк...

Поэт, прозаик и учёный-лингвист Галина Ивановна Климовская отметила серьёзную дату – 90 лет со дня рождения. Томские писатели сердечно поздравляют Галину Ивановну, желают ей прежде всего здоровья, а журнал с удовольствием предоставит страницы для её новых рассказов.